

	Но, далеко уже мечтаньем, Он на часы свои глядел.	Он на часы свои глядел.
1257—	Я коротко твой нрав узнала:	Я коротко твой нрав узнала:
1260	<i>Не переменяйся ты в нем...</i> Привык ты к беззаботной доле, Разгульной жизни, вольной воле, Стошнишь <i>порядочным</i> житьем.	<i>Ты глуп, что женишься, мой свет,</i> Привык ты к беззаботной доле, Разгульной жизни, вольной воле, Стошнишь <i>урядом, верь иль нет:</i> Тебе же <i>надоела я!</i>
1263	Тебе <i>наскучила же я!</i> —	Тебе же <i>надоела я!</i>
1270—	Все были кончены расчеты, —	Все были кончаны расщеты,
1271	Что за надежда?	Что за надежды?
1281	Что я цыганкой уродилась?	Что я цыганка уродилась?
1302	Я только, только <i>что не сдохла!</i> ...	Я только, только <i>не издохла!</i> ...
1314—	Не мудрена	...не мудрена
1315	Измена мне, а ей страшна!	Измена ей, а мне страшна...
1321—	<i>Очнись от лютого угара,</i>	<i>Очнись от ее угара,</i>
1323	Приди, и всё забуду я. Узнай меня, <i>узнай: Я Сара!</i>	Приди и все забуду я! Узнай меня, <i>я Сара, Сара!</i>
1328	Глядел он <i>мутными глазами,</i>	Глядел он <i>смутными очами</i>
1341	Проснись, красавец! <i>» Зов бесплодный;</i>	Проснись, красавец! <i>» Труд бесплодной!</i>

Глава IX (ст. 1345—1510)

отсутствует

© С. В. Березкина

СТАТЬЯ ЧИНОВНИКА III ОТДЕЛЕНИЯ М. М. ПОПОВА «АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН»

В 1874 году на страницах «Русской старины» появилась большая анонимная статья под названием «Александр Сергеевич Пушкин». В примечании к ней М. И. Семевский писал: «Статья эта сообщена нам покойным П. А. Мухановым и принадлежит, как он говорил, одному, ныне также уже умершему, старику, „тайному советнику“, фамилию которого, однако, нам не сказал. В настоящей статье мы обращаем внимание читателей отнюдь не на суждения и выводы автора — они решительно ничего не заключают в себе любопытного, — но на выдержки из документов, которые почти все, впервые появляясь в печати, проливают весьма яркий свет на положение и деятельность Пушкина в последнее десятилетие его жизни, именно с 1826-го по 1836 г. Необходимо заметить, что автор настоящей статьи был современником Пушкина и хорошо его знал».¹

Известны два современных отклика на статью как явление незаурядное. Во-первых, Н. П. Барсукова, великодушного знатока государственных архивохранилищ, который тут же поставил под сомнение имя председателя Императорской Археографической комиссии Павла Александровича Муханова (1798—1871) как возможного ее автора.² Объем и содержание сообщаемых в статье «Александр Сергеевич Пушкин» сведений не имели отношения к служебной и научной деятельности Муханова, а Барсуков, судя по его отклику, понял, из какого архива прои-

¹ [Попов М. М.] Александр Сергеевич Пушкин // Русская старина. 1874. № 8. С. 683. В оглавлении журнала статья имеет редакционный подзаголовок: «Новые материалы к его биографии: 1826—1836 гг.». В своей работе мы называем статью в соответствии с рукописью Попова: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 69 — автограф, с правкой; здесь же Семевским вписано редакторское вступление, внесены небольшие исправления и сделана разметка для набора, превратившая автограф в наборную рукопись (такая характеристика дана ей и в архивной описи).

² Барсуков Н. П. Заметки и поправки по поводу новых сведений о жизни Пушкина // Русский архив. 1874. № 12. С. 1088.

зошла утечка столь своеобразной информации о поэте. Его возражения во многом строились на комментариях П. А. Вяземского, при этом Барсуков постарался развенчать ряд биографических (полулегендарных) сообщений Попова, но ни словом не задел опубликованные им документы (за исключением одного агентурного донесения, которое мы процитируем ниже). С. Д. Полторацкий проявил большую доверчивость и был «сокрушен» появлением антипушкинской статьи, которую никак не мог соотнести со своим воспоминанием о Муханове (эти записи он сделал в своем дневнике).³

По прошествии нескольких лет в работах о Пушкине стали уже свободно называть имя автора той статьи⁴ — это был Михаил Максимович Попов (1800—1871), выпускник (со званием кандидата) Казанского университета, до 1831 года преподавал в Пензенской гимназии (его учеником был В. Г. Белинский), затем, переехав в Петербург, служил в Департаменте внешней торговли, в 1835 году по высочайшему повелению переведен в штаб корпуса жандармов, в 1839 году причислен к III Отделению начальником 1-й экспедиции, с 1841 года чиновник особых поручений, с 1858 года тайный советник, с 1865 года в отставке.⁵ Семевский придумал умный ход для статьи «Александр Сергеевич Пушкин», скрыв ее автора, поскольку для публикации материалов из архива III Отделения необходимо было представлять в Департамент полиции произведение в гранках. То есть для их печатания требовалось специальное разрешение. Попова, занимавшего в III Отделении видный пост, хорошо помнили в Петербурге, поэтому его имя привлекло бы к себе внимание и могло остановить публикацию. Однако Семевский сумел этого избежать.

Чем же была интересна статья Попова? История с ней представляется достаточно загадочной. Именно в 1-й экспедиции, находившейся в ведении Попова, хранилось дело № 62 о Пушкине, начатое в 1826 году и составлявшее в полном объеме 255 листов.⁶ В нем содержалось около трех десятков писем Пушкина в подлинниках и примерно столько же ответных писем ему А. Х. Бенкендорфа, М. Я. фон Фока, А. Н. Мордвинова (естественно, в канцелярских отпусках, т. е. черновиках); кроме того, в деле имелись ценнейшие в биографическом отношении документы из различных ведомств, касавшиеся надзора над поэтом, его имущественных и книгоиздательских дел (в том числе посмертных), высочайшей цезуры, агентурной слежки. Попов со знанием дела и великолепным навыком архивной работы сделал выборку из этих материалов, причем использовал не только переписку Пушкина, но и царские резолюции на ней; в статье он пересказывал и агентурные записки, иногда с прямыми цитатами из них. Например, Попов привел полностью такой отзыв о поэте, относящийся к путешествию его в Арзрум в 1829 году: «Вспомните

³ Орывки из дневников впервые напечатаны: Крамер В. В. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970. С. 74.

⁴ См. об этом: Измайлов Н. В. Источниковедение // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 619. К сожалению, указания на авторство П. А. Муханова встречаются и в современных работах — см., например: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 494 (то же в других изданиях двухтомника).

⁵ См.: Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [14]. Плавильщиков — Примо. С. 553 (статья А. А. Половцова); Squire P. S. The Third Department: The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicolas I. Cambridge, 1968. P. 174—176; Савин О. М. 1) «...Пишу тебе в Пензу»: (Пензенская тропинка к А. С. Пушкину). Саратов, 1983. С. 85—87; 2) Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 490; Сидорова М. В. Доносы на Л. В. Дубельта: (Из материалов секретного архива III Отделения: Служебные документы и письма) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М., 2005. [Т. 14]. С. 145. Указание на формулярные списки М. М. Попова см.: Эдельман О. В. Следствие по делу декабристов. М., 2010. С. 73.

⁶ См.: Дела III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии об А. С. Пушкине / Предисл. С. С. Сухонина. СПб., 1906. С. 1—241. Полное название дела № 62: «О дозволении сочинителю Пушкину въезжать в столицу. Тут же об издаваемых им сочинениях и переписка с ним по разным предметам» (1826—1875).

при сем, что у Пушкина родной брат служит на Кавказе и что господин поэт столь же опасен pour l'Etat,⁷ как неочиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его не возьмет никто в свои затеи. Это верно! Laissez le courrir le monde, chercher des filles, des inspirations poétique et — du jeu.⁸ Можно смело ругаться, что это путешествие устроено игроками, у коих он в тисках. Ему, верно, обещают золотые горы на Кавказе; а как увидят деньги или поэму, то выиграют и — конец,⁹ — а это ни много ни мало как агентурная записка Ф. В. Булгарина, руку которого Попов, конечно же, хорошо знал. Значит, он готов был опубликовать подобный секретный материал на страницах периодического издания! Может быть, это был самоубийственный шаг чиновника, считающего себя неуязвимым? Или решившегося положить конец своей карьере в III Отделении?

С. П. Полторацкий, убежденный, впрочем, что автором статьи был П. А. Муханов, указывал в своих записях, что «статья о Пушкине составила лет 20 тому назад, т. е. около 1854 года».¹⁰ Примерно к тому же времени (точнее, к 1856 году) относил ее и Н. Я. Эйдельман, опиравшийся при этом на сообщение в одной из неопубликованных работ Попова.¹¹ Из анонимного доноса 1856 года на начальника III Отделения Л. В. Дубельта известно о неприятностях Попова по службе, постигших его именно в это время: «...у действительного советника Попова взял экспедицию (...) у этого доброго и благородного человека, у которого в одном мизинце более ума и совести и сведения по делам 3 отделения, чем во всей голове этой хитрой лисы Дубельта. Г. Попов редкий и дорогой человек для 3 отделения, это фундамент этого отделения, — экспедиция взята у него по интригам».¹² Этот инцидент — отстранение Попова от 1-й экспедиции — мог иметь отношение к его статье с материалами из архивного дела о Пушкине. Хотя, на наш взгляд, он не объясняет всех обстоятельств, предшествовавших ее созданию.

Статья давала целостный очерк взаимоотношений Пушкина с III Отделением, но, что важно, без обозначения этого ведомства. Писалась она с определенной тенденцией и, конечно, призвана была дискредитировать Пушкина в глазах общественного мнения. Поэт предстал на страницах статьи Попова как слабый характером и убеждениями человек, старавшийся извлечь максимум пользы из своих взаимоотношений с властями. Сенсационный характер (в отношении делавшихся известными денежных сумм) имело сообщение о милостях Николая I, излившихся на семью Пушкина после его смерти. Первые сведения о них появились в 1847 году в «Словаре достопамятных людей Русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского.¹³ Впечатление от них умножалось при том сообщении, которое Попов готовил для русского читателя, ничего не знавшего о двух ссудах Государственного казначейства Пушкину, прощенных ему императором (общей суммой в 50 000 руб., с небольшой прижизненной выплатой). Попов, придерживаясь видимой объективности в изложении фактов, в конце статьи перестал стесняться, называя действия Пушкина для получения второй ссуды (на самых выгодных условиях, без процентов) просто удачным «маневром». Финал с выкладками всех сумм (в особенности, частных долгов Пушкина, оплаченных Государственным казначейством, — всего 92 500 руб.) носил наступательный характер: Попов писал жестко, информативно, густо насыщая текст денежными суммами, которые выглядели как весомый, праг-

⁷ для государства (фр.).

⁸ Предоставьте ему обойти свет, искать дев, поэтических вдохновений и — игры (фр.).

⁹ Дела III Отделения. С. 82. См. также: А. С. Пушкин: Документы к биографии. СПб., 2007. [Т. 1:] 1799—1829. С. 856—857.

¹⁰ Крамер В. В. Указ. соч. С. 75.

¹¹ См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества (1826—1837). М., 1987. С. 22.

¹² Сидорова М. В. Указ. соч. С. 140.

¹³ Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1847. Ч. 2. Прил. С. 103.

матичный итог всех сюжетов, прошедших перед читателем в виде двусторонней переписки.

Сами сведения из отчета опеки над детьми и имуществом Пушкина, приводившиеся Поповым в конце статьи, были вторжением в частную жизнь семейства, которая таким образом делалась объектом публичного рассмотрения. Множественные расхождения статьи с действовавшим Уставом о цензуре позволяют предположить, что Попов рассчитывал на поддержку своего руководства. Без какой-либо надежды на нее трудно объяснить решимость Попова обнародовать секретнейшие сведения из сохраняемого им архива. Разрешение на публикацию статьи должно было исходить только от главы III Отделения — гр. А. Ф. Орлова или же В. А. Долгорукова, его преемника. На 1856 год пришлось перемена в руководстве III Отделением: сначала ушел Орлов, а вслед за ним и Дубельт (его сменил А. Е. Тимашев). Возможно, именно это помешало публикации статьи.

III Отделение работало, стараясь активно воздействовать на литературный процесс. Статья о Пушкине Попова была одним из отражений политики III Отделения в его стремлении, как определил это О. М. Проскурин, «полностью контролировать и при необходимости направлять» либеральную журналистику.¹⁴ В книге Проскурина это показано на примере сюжетов, связанных с В. Г. Белинским, А. А. Краевским и др.; сходную ситуацию мы усматриваем и в истории статьи Попова «Александр Сергеевич Пушкин». Почему именно в 1856 году пишет ее чиновник III Отделения? Статье предназначалась роль своего рода противовеса герценовской «Полярной звезде», в которой должны были появиться (и появились!) вольнолюбивые произведения Пушкина. О подготовке этой публикации А. И. Герцен объявил в первой «Полярной звезде» (на 1855 год), призывая своих читателей высылать ему списки пушкинских стихотворений в Лондон.¹⁵ Замысел статьи Попова был, надо признать, очень остроумным и нацелен на контрастное восприятие двух литературных новинок: с одной стороны, полновесные публикации вольнолюбивых произведений Пушкина, а с другой — документальные свидетельства его «сервизизма».

Статья Попова шла в русле той тенденции в деятельности III Отделения, которая с момента смерти Пушкина выражалась в противлении апологетическим устремлениям в публикациях о его жизни. Появление в печати статьи Попова планировалось в III Отделении как удар по репутации Пушкина, которого прогрессивная русская критика, и прежде всего в работах В. Г. Белинского, вознесла на огромную высоту. В 1855 году появились «Материалы к биографии Пушкина» Анненкова, обострился интерес к его творчеству, в том числе к вольнолюбивым стихотворениям (заграничные издания, одно за другим, делали их впоследствии — после герценовских публикаций — все более и более известными). Именно поэтому Попов, перебирая документы дела о поэте, останавливался в первую очередь на выражениях признательности, обращенных Пушкиным как к Николаю I, так и к Бенкендорфу. С этой же целью в приложении к статье планировалось, как показало знакомство с рукописью Попова, опубликовать записку Пушкина «О народном воспитании», писавшуюся в конце 1826 года по распоряжению царя (записка также хранилась в архиве III Отделения; в 1874 году ее публикация перестала быть актуальной, поскольку она была уже напечатана П. И. Бартеневым, получившим ее вероятнее всего от того же Попова). Кратко, в двух абзацах, характеризуя записку, Попов не преминул процитировать из нее место, которое могло возмутить либеральный лагерь: «Для сохранения нравственности в воспитанниках, — пишет Попов о Пушкине, — он предлагает обращать внимание на рукописи их и „за найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание, за возмутительную — исключение из училища”». Странно видеть такую строгость в поэте, который сам,

¹⁴ См.: Проскурин О. М. Литературные скандалы пушкинского времени. М., 2000. С. 346.

¹⁵ См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 270.

даже и после сочинения этой статьи, писал пиесы соблазнительные и не совсем в духе правительства! Это — учитель, который именно то делал, что запрещал делать ученикам!»¹⁶ В приложении к своей статье Попов хотел поместить и какие-то материалы, касающиеся первой редакции «Бориса Годунова» (это следует из примечания, вычеркнутого Семевским в рукописи); вероятнее всего, речь шла о рецензии, заказанной III Отделением в 1826 году и написанной, как считается, Булгариным. Семевского этот материал почему-то не заинтересовал.

В 1856 году не удалась попытка нанести — посредством «развенчания» Пушкина — удар по идеологии нового поколения. Тщательно планируемая видным деятелем III Отделения «утечка информации» не состоялась из-за каких-то служебных трений. Удар задумывался слишком изощренный и смелый! В 1874 году статья Попова уже не могла сыграть предназначавшуюся ей роль, поскольку пушкинский культ стал неотъемлемой частью русской культуры. Пушкину уже была не страшна публикация «компрометирующих» его материалов из архива III Отделения... Семевский лишь снабдил ее множеством вопросительно-восклицательных знаков, не потрудившись даже исключением откровенно одиозных рассуждений автора о творчестве поэта.

К началу 1870-х годов Попов начинает очень интересоваться издателями. По-видимому, еще при его жизни была передана записка О. Горского (Грабя-Горского) Бартеневу, напечатанному ее в 1872 году; она была снабжена примечанием Попова с указанием на ведомство, сохранившее этот интересный источник: документ был вручен Горским «полковнику корпуса жандармов Феликсу Ивановичу Кельчевскому, бывшему в 1832 г. в Сибири».¹⁷ Однако бумаги Попова (около полусотни единиц по второй описи архива журнала «Русская старина» (ф. 265)) попали все-таки к Семевскому; возможно, они были переданы ему упоминавшимся выше Павлом Мухановым. По архиву Попова был сделан в «Русской старине» целый ряд публикаций, последние — уже в начале XX века.¹⁸ В справочнике «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» (1976—1989) не все эти публикации соотносены с личностью одного человека — они рассыпаны в Указателях по разным номинациям: это «Попов», «Попов М.» и даже «Попов М. М.» — рядом с «Попов Михаил Максимович!» В «Русской старине» напечатано было, конечно же, не все из попавшего к Семевскому. С другой стороны, не все и из напечатанного в этом журнале с пометой «из бумаг М. М. Попова» дошло до наших дней в рукописи.¹⁹

Архив Попова представляет собой уникальное явление. Попов был знаком со многими литераторами (воспоминания о нем, в связи с Белинским, оставил И. И. Лажечников); в 1830-х годах, до поступления в III Отделение, он печатался в петербургских изданиях («Сын Отечества» и «Северный архив», «С.-Петербургские ведомости»). Попов, несомненно, обладал писательскими амбициями, и ряд появившихся после его смерти публикаций — это его оригинальные статьи, а не публикации попавших к нему по службе материалов. Создавая их, Попов использовал свои высокопрофессиональные навыки работы с документальными источниками. Значительная часть сохранившихся в фонде «Русской старины» рукописей Попова — это его черновые автографы служебных записок по самому широкому спектру вопросов, подававшихся начальству, т. е. Дубельту, Тимашеву и т. д. В некоторых из них сохранились даже номера агентурных донесений, которые цитиро-

¹⁶ [Попов М. М.] Александр Сергеевич Пушкин. С. 698.

¹⁷ Девятнадцатый век / Изд. П. И. Бартенева. М., 1872. Кн. 2. С. 201.

¹⁸ Самая полная сводка публикаций Попова в «Русской старине» (свыше десятка) дана в «Русском биографическом словаре» (см. прим. 5).

¹⁹ Бумаги Попова (со ссылкой на него, о событиях 14 декабря) были использованы в Н. К. Шильдером в монографии «Император Николай Первый. Его жизнь и царствование» (СПб., 1903. Т. 1. С. 516).

вал Попов, с последующим вычеркиванием этих номеров — для переписчика (чтобы он случайно не вписал их в беловик!).²⁰ С этой стороны архив, возможно, еще ждет своего исследователя, которого заинтересует тематика служебных заданий Попова за годы его продолжительной службы в III Отделении. Семевский же, просматривая архив Попова, не мог не понять происхождение в нем подавляющего большинства рукописей.

Попов был высоко информированным, образованным человеком, с большим культурным кругозором; он был религиозен (сказывалось происхождение из духовного звания) и с интересом относился к видным церковным иерархам своего времени, собирая материалы о них (в ходе просмотра его архива у нас создалось впечатление, что этот интерес Попова не был связан со служебной деятельностью). Однако самым значительным выступлением Попова в печати осталась его работа о Пушкине. Для нас она интересна прежде всего как выражение тех разговоров и мнений, которые циркулировали в III Отделении о поэте.²¹ Отношение Попова к Пушкину не исчерпывалось тем, что он выразил на страницах этой статьи. Ниже мы приводим еще одно его высказывание о поэте, которое свидетельствует, что между Поповым как чиновником III Отделения, с одной стороны, и самостоятельным писателем — с другой, существовал некий разрыв, свидетельствующий о какой-то личностной деформации.

В архиве Попова сохранилась неопубликованная статья «Последние годы жизни князя А. Ф. Орлова», писавшаяся, вероятнее всего, после его выхода в отставку, т. е. во второй половине 1860-х годов. В ней он рассказывает об обстоятельствах смерти Орлова (в 1862 году) и пышных, украшенных разного рода государственной атрибутикой похоронах, которые оставили совершенно равнодушными жителей Петербурга. В конце статьи Попов вспоминал о Пушкине, давая прямые характеристики действиям III Отделения в момент его смерти: «В начале 1837 г. умер А. С. Пушкин. Что он был? При дворе не больше как камер-юнкер, в аристократическом кругу не больше как полубарин и бедняк. Но всё, что только было образованного и грамотного в Петербурге, поражено было смертью этого любимого поэта. Правительство боялось, что при выносе и отпевании тела его не произошло от чрезмерного стечения народа каких-либо несчастий. Поэтому тело Пушкина внесли из квартиры (на Мойке, близ Певческого моста) в Конюшенную церковь ночью, тайком, а между тем распространили слух, что отпевать будут в Адмиралтействе. 1 февраля народ покрыл всю Исакиевскую площадь. Уже в половине обедни, узнав об обмане, все бросились к Конюшенной церкви и наполнили площадь перед этой церковью так, что нельзя было упасть яблоку. Тело бедного поэта, 3 февраля (точнее, в ночь на 4-е. — С. Б.), увезли и в Святогорский монастырь ночью, обманом: иначе на пути поезда печальной колесницы народ толпился бы в такой массе, что с ним не управилась бы никакая полиция»; и, далее, вывод автора: «Так народ провожает своих любимцев — без наряда, без приказаний, без архиерея, без войска, без музыки и без всяких атрибутов мирского значения, он хоронит этих любимцев торжественнее, несравненно печальнее, чем хоронят правительственные власти своих любимцев».²² Таким, судя по бумагам Попова в архиве «Русской старины», было последнее его слово о поэте.

²⁰ См., например, записку Попова «О неблагоприятных действиях помещиков и разных принимаемых ими мерах» (ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 4451).

²¹ См об этом: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества... С. 15, 22, 24, 55 и др.

²² ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 4438. Л. 5 об.—6, 6 об.